

НООСФЕРНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 165.12 + 140.8

ББК 20.1 + 87.623

Д. Г. Смирнов

«VERNADSKY'S HISTORY»:

ПЕРЕОТКРЫВАЯ УМСТВЕННУЮ ИСТОРИЮ РОССИИ

В статье эксплицируется парадигма истории, сложившаяся в творчестве В. И. Вернадского и Г. В. Вернадского. Осуществляется реконструкция клиософской концепции «умственной истории России» на стыке биосферной, ноосферной и всемирно-евразийской моделей понимания исторического процесса.

Ключевые слова: умственная история, умственная культура, культурная история, ноосферная история, интеллектуальная история.

Ноосфера, в которой мы живем, —
является основным регулятором
моего понимания окружающего
В. И. Вернадский

Рубеж веков и тысячелетий, свидетелями которого мы стали, символизирует собой исторический переход из «старого классического времени» в «новое постнеклассическое время», из «старой механической истории» в «новую синергетическую историю». Парадокс, с которым человечество постоянно сталкивается, заключается в том, что это «новое» есть «хорошо забытое старое». Это интеллектуально-афористическое эмпирическое обобщение, закрепленное на уровне архетипического в сознании человека, заставляет его вновь и вновь возвращаться к осмыслению целей и ценностей, начала и конца в развитии мирочеловечества на глобальном, локальном и личностном уровнях разворачивания истории.

Философский смысл отмеченной выше народной мудрости состоит в том, что, несмотря на различие методологических форм истории, в плане бытийно-

исторического содержания она имеет определенное единство¹. В попытках обнаружить эту нить истории современная историософия создает множество концепций, претендующих на общенаучный статус (глобальная история, персональная история, ментальная история, интеллектуальная история, большая история, универсальная история и т.д.), зачастую повторяя аналогичные попытки, имевшие место в истории гуманитарной науки.

В настоящей статье мы остановимся лишь на одной модели понимания истории², методологические основания которой, на наш взгляд, заложены трудами по истории науки, истории научной мысли В. И. Вернадского и успешно апробированы его сыном Г. В. Вернадским применительно к осмыслению русской истории. Факты научного сотрудничества отца и сына хорошо отражены в эпистолярном наследии, хранящемся в российском и американском архивах, и, несмотря на определенную дистанцию в сфере научных интересов и пространственную разобщенность, связанную с эмиграцией Георгия Вернадского, детально исследованы биографами. Однако, проблема комплементарности учения о переходе биосферы в ноосферу и евразийской концепции истории России в рамках научного дискурса, фиксируемая отдельными специалистами по персональной истории [18], остается в значительной степени открытой.

В. И. Вернадского нельзя назвать ни историком, ни философом истории в буквальном смысле упомянутых терминов³. Однако, будучи крупным общественным и политическим деятелем своего времени, он жил и работал в бурной и противоречивой реальности, что нашло отражение в его многочисленных публицистических работах [7; см. также: 14]. В этом смысле В. И. Вернадский изучал историческую действительность, в чреде событий которой находился, как природу как естествоиспытатель, постоянно

¹ *Примечание:* в рамках универсумно-семиологического и системно-синергетического подходов имеет смысл говорить о «ноосферной истории», как модели клиопонимания и клиоописания, ориентированной на раскрытие «плана содержания» исторического процесса.

² *Примечание:* содержательно близкими к анализируемой трактовке истории являются, в частности, концепции Н. П. Антонова, Г. Бейтсона, Вяч. Вс. Иванова, Ю. М. Лотмана, П. Тейяра де Шардена, уже рассмотренные автором статьи через призму теории и методологии ноосферной истории [17].

³ *Примечание:* заметим здесь, что в университетские годы В. И. Вернадского, проявлявшего интерес к истории с детства, по его собственному признанию, «больше всего прельщали <...> вопросы исторической жизни человечества и философская сторона математических наук» [19, с. 28]. Он не пошел по исторической потому, что «хотел раньше получить подготовку естественноисторическую и потом перейти на историю» [там же].

сталкивающийся с фактами великого природного бытия. Но вместе с тем, «... занятия историей, — как отмечает Вяч. Вс. Иванов, — сколь угодно отдаленной, для Вернадского были частью подготовки к решению самых жгучих вопросов сегодняшнего дня и будущего» [12, с. 283]. Как показывают В. С. Неополитанская и Г. П. Аксенов, уже в университетском курсе лекций 1902—1903 годов «содержались истоки *концепции истории Вернадского* [курсив мой. — Д. С.], в которой он вычленил двигатель прогресса — научную мысль, знания, или, <...> научное мировоззрение...» [11, с. 40]

Глубже всего, на наш взгляд, проник в историческое сознание В. И. Вернадского и передал его особенности Вяч. Вс. Иванов. «Как мы увидим, — пишет он, — синтеза естественно-исторического подхода с культурно-историческим Вернадский позднее достигнет сначала в специальных работах по истории металлов и других элементов, потом в синтетических трудах по истории науки и техники» [12, с. 282]⁴. Эти особенности исторического сознания и мышления академика (а В. И. Вернадский был избран академиком в 1912 году) особенно отчетливо видны в статье «1911 год в истории русской умственной культуры», вышедшей в ежегоднике газеты «Речь»⁵. В этом своеобразном манифесте, гимне свободе мысли и слова автор, анализируя академическую (университетскую) жизнь России того времени, формулирует важные положения, раскрывающие основные принципы и пути разворачивания локального исторического процесса⁶.

В. И. Вернадский четко фиксирует «конфликт интересов» общества и государства в сфере «умственной культуры», который нивелируется, с одной стороны, самоорганизационными процессами внутри общества, а, с другой, — бездействием самого государства. «*Русская умственная культура в XIX и начале XX века, — пишет ученый, — может считаться созданием общественной самодеятельности* [курсив мой. — Д. С.] [8, с. 182]. Как показывает мыслитель, государственная организация, порой, берет курс на разрушение «национальной культурной работы», веками осуществляемой

⁴ *Примечание:* П. Г. Кузнецов одним из первых фиксирует эту особенность мировоззрения В. И. Вернадского, отмечая, что у последнего «история природы и история общества оказались связанными в единую неразрывную цепь эволюции» [13, с. 50].

⁵ *Примечание:* Вернадский В. И. 1911 год в истории русской умственной культуры // Ежегодник газеты «Речь». СПб., 1912. С. 323—341.

⁶ *Примечание:* политика в области университетского образования, проводимая правительством сейчас, находит прямые параллели с деятельностью Министерства народного просвещения начала XX века.

русским этносом. Но уже здесь обозначает себя исторический оптимизм В. И. Вернадского, связанный с силой разума и сознания, а также с (как бы сейчас сказали) синергетическим пониманием исторического процесса: перед традициями «русской школы», «великой научной организацией человечества» «бессильны самые разрушительные стремления политиков». «Смешно думать, что их сможет побороть русская бюрократия» [там же, с. 183]. Думается, что именно здесь проглядывает идея истории как «стихийного геологического процесса», впоследствии вылившаяся в ноосферные представления ученого.

История русской умственной культуры в определенном смысле демонстрирует автотрофность (самодостаточность) последней, ибо она использует лишь внутренние резервы для поддержания жизнеспособности и осуществления жизнедеятельности. В. И. Вернадский приходит к следующему выводу: «...хода истории долго безнаказанно задерживать нельзя. Стихийно жизнь дает совершенно неожиданные выходы» [там же, с. 185]⁷.

Прикосновение к мировой культуре (в частности, посещение Греции) наводит В. И. Вернадского на мысли об определенных закономерностях в ее развитии, обретающих особое звучание в контексте российской действительности. «Странным образом чтение все более и более отвлекает к тем же вопросам упадка и роста человеческого сознания» [19, с. 233]. Тяжелые «красотой разрушения» греческие развалины приводят ученого к парадоксальному выводу — «упадок есть неизбежное средство достижения наибольшего совершенства» [там же], раскрывающему, на наш взгляд, позицию мыслителя в отношении «диалектики» (а лучше сказать синергетики) материального и духовного.

Думается, мы не погрешим против истины, если предположим, что системообразующим свойством умственной культуры для ученого является научная мысль, о чем впоследствии красноречиво будет свидетельствовать его книга «Научная мысль как планетное явление» (1938). Именно научная мысль формирует субъекта, актора истории, ибо именно «научная работа развивает чувство личности и личного достоинства»; именно «она вырабатывает свободного человека, стоящего в среднем гораздо выше того уровня» сознания, готового к беспрекословному подчинению [8, с. 188]. Поясним, что научная

⁷ *Примечание:* в качестве «выхода», данного, подсказанного жизнью, можно рассматривать Вторую мировую войну, в которой, по словам В. И. Вернадского, дело Гитлера обречено, ибо идет в разрез со стихийным геологическим процессом эволюции биосферы.

мысль — это срез естественной истории, а идея («одна сила и одна мощь») — это удел человеческой истории. «Нет, думаю, ничего сильнее, чем сила идеи» [19, с. 107]. В этих размышлениях В. И. Вернадский выходит на центральную проблему истории — проблему детерминизма мысли (разума).

Именно так — в умственном, сознаниевом ключе — видел историю В. И. Вернадский, ибо, как полагает Р. К. Баландин, наука для мыслителя — «новый фактор всемирной истории» [1, с. 138]. «Сознательная работа» народа, борьба против «бессознательных» законов природы дает напряжение сознания, которым и «может оцениваться историческая эпоха»; именно «в этом напряжении сознания вся красота исторических явлений, их оригинальное положение среди остальных исторических процессов» [19, с. 119]. От себя заметим — в этом этика и эстетика ноосферы.

Статья 1912 года показывает В. И. Вернадского как «ноосферного летописца». Этой своей статьей он задает очертания новой парадигмы истории, которая в будущем откristаллизуется в идеи «умственной истории» и «интеллектуальной истории». Подобная интенция отчетливо проявит себя в работах Г. В. Вернадского, в частности, в его «Русской истории».

«Русская история» Г. В. Вернадского выходит в 1927 году⁸ как учебник для американских студентов [10]. Следует отметить тот факт, что в англоязычном варианте учебник носит название «A History of Russia», что в дословном переводе обозначает «История России» и соответствует академическому назначению работы. В первом российском издании, увидевшем свет в 1997 году, на титульном листе имеет место альтернативный перевод — «Русская история», более точно, на наш взгляд, раскрывающий философско-исторические предпочтения автора. В тексте работы, как мы постараемся показать далее, Г. В. Вернадский предстает перед читателем не только как историк, рассказывающий, какой на самом деле была история России, но и как философ (философ истории), раскрывающий принципы и формы ее разворачивания в планетарном пространстве и времени.

Труд Г. В. Вернадского, как отмечают исследователи его творчества во вступительном слове к первому российскому изданию, «достаточно полно представляет исторические взгляды» автора, «тесно связанные с теорией евразийства» [15, с. 6]. Понимание исторического наследия одного из

⁸ *Примечание:* не претендуя на значимую аналогию, заметим здесь, что примерно в это же время издается труд «Биосфера» его отца В. И. Вернадского.

основоположников русистики в Америке предполагает, в первую очередь, обращение к той интеллектуальной среде, в которой зародились основные историософские идеи, оказавшиеся затем философско-методологическим фундаментом глобально-евразийской исторической картины мира автора. И это были не только евразийские сочинения его соратников и современников. Сам Г. В. Вернадский, будучи учеником С. Ф. Платонова, называет среди своих учителей В. О. Ключевского, М. М. Богословского, А. А. Кизеветтера, Ю. В. Готье, А. И. Яковлева, М. К. Любавского, Д. М. Петрушевского, А. Н. Савина, Р. Ю. Виппера, А. С. Лаппо-Данилевского, М. И. Ростовцева, И. М. Гревса, Н. И. Кареева и других [см.: 3, с 18]. Особо следует в этом ряду выделить В. И. Вернадского, чьи научно-философские и культурно-исторические взгляды в значительной степени повлияли на формирование исторического сознания молодого исследователя [см.: там же, с. 16—17]. «Отец, — пишет Г. В. Вернадский, — был человек необыкновенного размаха, пытливей мысли и широких научных исканий. Когда он заметил, что у меня намечается склонность к истории, он сразу же обратил на это внимание» [цит. по: 3, с. 17].

Для Г. В. Вернадского характерна новая для своего времени, «умственная» парадигма понимания истории. Первое, что бросается в глаза при беглом прочтении «введения» к учебнику — «краткого обобщенного обзора материала по русской истории» — это реперные точки напряжения исторического процесса, «важные исторические события», как называет их сам автор, способные задать историческую перспективу. Несмотря на то, что устанавливая периодизацию русской истории, Г. В. Вернадский принимает за «фундаментальную основу» «изменяющуюся взаимную связь между лесной и степной зонами» [10, с. 20] — тему конкретно-историческую, относящуюся к событийной истории, он то и дело обращается к умственной, или культурной, истории.

Он выделяет в качестве нового для России культурно-исторического элемента христианство. «В IX и X веках, — пишет Г. В. Вернадский, — появился новый элемент громадной важности для всей последующей *умственной и культурной истории* [курсив мой. — Д. С.] России. Это было христианство в его византийской форме. К первому тысячелетию нашей эры

Россия официально перешла в новую эпоху» [там же, с. 19]⁹. Возможно, что в соединении умственной и культурной истории Г. В. Вернадский следует за В. О. Ключевским, которому традицией приписывается афоризм: «мысль без морали — недомыслие; мораль без мысли — фанатизм».

В качестве «может быть наиболее важного результата принятия христианства в старой России» Г. В. Вернадский называет «новый взгляд на человека — оценка с точки зрения морали его поступков и даже мыслей» [10, с. 57]. В унисон звучит замечание Р. К. Баландина: «на пути к ноосфере необходимо духовное обновление человечества, преобразование не столько окружающей среды, сколько внутреннего мира людей» [2, с. 403]. Исторический факт выбора веры следует рассматривать не столько в контексте его значения в религиозной картине мира, на что намекает сам автор, его смысл лежит значительно глубже — в ноосферно-умственном взгляде на историю.

В рамках философско-антропологического подхода Вяч. Вс. Иванова, можно сказать, что в результате принятия христианства возникает уникальная аксио-семиотическая система, наиболее отчетливо выражающая синтетическую историсофскую парадигму. При этом автор подчеркивает, что социальная функция отдельных элементов культуры, ее текстов в действительности «состоит совсем не в обслуживании нужд общества как такового, а в способствовании сохранению (выживанию) ноосферы» [12, с. 299]. Г. В. Вернадский показывает как «борьба за выживание» русских (смутное время, петровские реформы, мировые войны) стимулирует рост сознания, что в свою очередь позволяет «вынести все лишения и перенести все трудности» [10, с. 366].

Анализируя историю советского государства, Г. В. Вернадский приходит к выводу о том, что марксистская теория, в которой «бытие определяет сознание», «не соответствует истинному положению вещей или, по крайней мере, неприменима к условиям России» [10, с. 420]. Во вступлении к работе «Ленин — красный диктатор» (1931), которая может рассматриваться как опыт обращения к персональной (личностной, экзистенциальной) истории, Г. В. Вернадский также обращается к проблематике культурного («интеллектуального») взгляда на историю, выделяя фактор, определяющий, с

⁹ *Примечание:* обращает на себя внимание тот факт, что Г. В. Вернадский в качестве «нового элемента громадной важности» рассматривает также и коммунизм («всеобъемлющую идеологию марксизма») [10, с. 416].

его точки зрения, развитие России — расхождение между различными классами населения в культурном отношении» [9, с. 9]. И здесь он уделяет особое внимание интеллигенции, говоря, что «русские интеллектуалы представляли собой исключительный социальный феномен», сильно отличающийся от западного аналога [там же, с. 12]. Очевидно, умственная история в методологическом плане представляет собой для исследователя своеобразный «ключ» к пониманию развития России в ее замысловатой динамике.

В этой связи уместно обратиться к оригинальному тезису Вяч. Вс. Иванова, который может претендовать на статус семиотического комментария к размышлениям Г. В. Вернадского по поводу русской истории: «в конечном счете, (при наличии тупиковых ветвей и длительных остановок, а также циклов, известных и в других сферах эволюции) в истории культуры отбираются те именно знаковые системы и тексты, которыми развитие человечества направляется в сторону ноосферы (в понимании П. Тейяра де Шардена и В. И. Вернадского)» [11, с. 28].

Завершим настоящий материал словами Г. В. Вернадского, который, в силу исторических обстоятельств, оказавшись «своим среди чужих» и «чужим среди своих», сумел посмотреть на русскую историю глазами американца и на американскую историю глазами русского. «...Научное и технологическое продвижение России не только является побочным продуктом ее внутренней политики, но *выражает органический взлет человеческого ума* [курсив мой. — Д. С.], этап в общем развитии человечества» [10, с. 8].

Перед нами «фамильная» парадигма истории: В. И. Вернадский и Г. В. Вернадский в логике умственной преемственности эксплицировали методологические основания и эмпирический фундамент ноосферного понимания истории в сложной взаимодополнительности многообразных материальных и разнообразных умственных форм при акцентировании последних как концептуальных для планетарной человеческой истории.

Библиографический список

1. Баландин Р. К. Вернадский: жизнь, мысль, бессмертие. М.: Знание, 1979. 176 с.

2. *Баландин Р. К.* Русские мыслители. М.: Астрель; Хранитель. 2006. 539 с.
3. *Болховитинов Н. Н.* Русские ученые-эмигранты (Г. В. Вернадский, М. М. Карпович, М. Т. Флоринский) и становление русистики в США. М.: РОССПЭН, 2005. 142 с.
4. *Вернадский В. И.* Биосфера и ноосфера. М.: Рольф, 2002. 576 с.
5. *Вернадский В. И.* Избранные труды по истории науки. М.: Наука, 1981. 359 с.
6. *Вернадский В. И.* Начало и вечность жизни. М.: Советская Россия, 1989. 704 с.
7. *Вернадский В. И.* Публицистические статьи. М.: Наука, 1995. 313 с.
8. *Вернадский В. И.* 1911 год в истории русской умственной культуры // В. И. Вернадский. О науке. Том II: Научная деятельность. Научное образование. СПб.: Изд-во РХГИ, 2002. С. 182—204.
9. *Вернадский Г. В.* Ленин — красный диктатор. М.: Аграф, 1998. 320 с.
10. *Вернадский Г. В.* Русская история: Учебник. М.: Аграф, 1997. 544 с.
11. *Иванов Вяч. Вс.* О выборе веры в Восточной Европе // *Природа*. 1988. № 12. С. 26—38.
12. *Иванов Вяч. Вс.* Эволюция ноосферы и художественное творчество // В. И. Вернадский: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2000. С. 281—299.
13. *Кузнецов П. Г.* Необратимость исторического процесса природы и общества в трудах В. И. Вернадского и современной науке // *Бюллетень по разработке научного наследия акад. В. И. Вернадского*. 1987. № 1. С. 37—50.
14. *Леонова Л. С.* «Я не могу уйти в одну науку»: Общественно-политические взгляды В. И. Вернадского. СПб.: Алетейя, 2000. 400 с.
15. От издательства // *Вернадский Г. В.* Русская история: Учебник. М.: Аграф, 1997. С. 5—6.
16. «Посвятить свои силы работе над историей развития науки» (из писем [В. И. Вернадского] жене) // *Природа*. 1988. № 2. С. 40—51.
17. *Смирнов Д. Г.* Ноосферная идея и ноосферная история: введение в универсумную клиософию. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2012. 250 с.
18. *Смирнова С. Т.* «Ноосферная история» России глазами отца и сына — Владимира и Георгия Вернадских // В. И. Вернадский и современность. М.: ИД «Ноосфера», 2003. С. 54—61.
19. Страницы автобиографии В. И. Вернадского. М.: Наука, 1981. 349 с.